

Уважаемый господин Пофалла и уважаемый Виктор Алексеевич!

Уважаемый федеральный министр господин Альтмайер!

Сейчас я начну перечислять весь этот зал и на этом могу закончить речь. Я очень рад, что здесь присутствуют послы двух стран. Это свидетельство того, что к форуму Санкт-Петербургского диалога относятся в высшей степени серьезно и то, что прозвучали два приветствия - Федерального канцлера и Президента России, - это тоже знак в высшей степени важный и обнадеживающий.

210 лет тому назад, в Эрфурте был Эрфуртский конгресс, где Наполеон встречался с Александром I. Там же Наполеон встретился с Гёте. Это было 1 октября, если я не ошибаюсь. И у них была такая беседа, о литературе, естественно, об искусстве, и они затронули тему, проблему, трагедию рока, трагедию судьбы. Наполеон в какой-то момент в сердцах сказал Гёте: «О чем можно говорить, о какой проблеме трагедии судьбы можно говорить? Политика – вот судьба! Политика - вот это и есть рок!». Гёте это не понравилось. Прошло 210 лет, и мы все время сталкиваемся с тем, что Наполеон был в какой-то степени прав. Это при том, что Гёте к Наполеону относился очень хорошо. «Наполеон - это квинтэссенция человечества», - говорил он. Но то, что политика – это судьба, Гёте не понравилось. Он был слишком немцем для того, чтобы рок – великую мощь человеческого бытия и космоса, - свести к какой-то политике. Но мы в 21 веке стали свидетелями другого, я как марксист сейчас это говорю. Я напомним, что Маркс вообще как бы немец. Из Германии. Он, позволю себе вспомнить даже Владимира Ленина, говорил о том, что политика – это сконцентрированная экономика. Всю жизнь я учился тому, что большой бизнес и определяет, в конечном счете, политику. И вдруг, на старости лет, я обнаружил, что это не так. Мне стало обидно за мои заблуждения, которые длились практически 66 лет.

Выяснилось, что политика может диктовать экономике и диктовать абсолютно жестко, абсолютно безапелляционно, и не принимать в расчет

интересы крупного бизнеса, среднего и мелкого тоже, кстати сказать. Понятно, что после 2014 года Германия перестала быть нашим крупнейшим экономическим партнером. У нас был товарооборот порядка 100 млрд, он увеличивался. Мы тут разные цифры называем, но порядка 100 млрд. всё-таки он был. Он рухнул. Сейчас мы говорим о том, что в прошлом году было 20% роста, и это большая победа. Сегодня говорят о том, что в первом полугодии рост экономический 28%. Но мы прекрасно понимаем, что тут очень много зависит от цен на энергоносители. Цена на энергоносители повысилась, товарооборот увеличился, и в этом нет никакого качественного изменения по существу структуры нашего товарооборота. Я говорю как историк театра по профессии, чтобы вы понимали.

Сегодня, конечно, экономика очень политизирована. Потому что стоит наследному принцу Саудовской Аравии сказать, что нефти в России хватит на 19 лет, и она перестанет ее продавать, как начинается сразу огромное количество разного рода выстраиваться политических и других геополитических конструкций.

Совершенно очевидно, что сегодня мы должны признать несколько вещей. Вы будете называть то, что произошло с Крымом аннексией. Мы будем говорить о том, что Крым воссоединился с Россией. И это - очевидная вещь. Мы будем, в принципе, очень сходно смотреть на то, что происходит на Востоке Украины, потому что мы полагаем, что целостность Украины, безусловно, - существенная ценность для всей европейской политики. Это правда. Но пути достижения мира на Востоке Украины мы будем рассматривать по-разному, так или иначе. И это - реальность, которая сегодня существует. Нам могут какие-то вещи казаться в германском контексте сложными. Все, что связано с такой гипертолерантностью немецкого общества в отношении меньшинств или уже «большинств». Я не знаю, как это называть, но мы прекрасно понимаем, что для Германии это - очень чувствительный вопрос. Потому что было нацистское прошлое, отношение к либеральной толерантной идее в обществе - это очень важная

ценность для немцев. И это мы должны уважать и понимать, иначе мы никогда не сможем вообще вести никакого диалога. Так же, как и вы должны понимать, что у нас есть свои определенные ценности, которых мы придерживаемся. Хорошие они, плохие, я сейчас это не обсуждаю. Они несколько отличаются от тех, которые сегодня в немецком обществе существуют. Если мы это признаем, то не будем так все время реагировать на то, что господин Пофалла говорит какие-то вещи, потому что так считает, а Виктор Алексеевич Зубков говорит какие-то свои вещи. Надо с этим примириться или понять, что это будет так. На сегодняшний день, во всяком случае. И понятно же, совершенно, я сейчас обращаюсь к представителям немецкой прессы, я вас очень прошу, пожалуйста! Ну не надо комментировать, что мы открыли «Петербургский диалог» в честь дня рождения Путина. Не надо! Потому что им возвращаться: и господину Альтмайеру надо возвращаться домой, у него свои избиратели, и господину Пофалле. Мы готовы следующий диалог открыть в день рождения Бундесканцлера Меркель. Мы берем на себя такое обязательство.

Но настолько все, повторю, политизировано, настолько все нервно, настолько все остро, и каждый момент отражается на отношениях немцев с русскими, что это - то, что может сделать «Петербургский диалог» сегодня: не дать переступить эту грань.

Мы всё-таки должны помнить, был 73 год, когда Бранд и Бар нашли контактёров в Советском Союзе, и начался новый этап в восточной политике. Это было. Это было в условиях значительно более непримиримых, чем сегодняшние. Потому что вы сейчас скажете: тогда были правила. Но правила тех лет были не самыми лучшими на самом деле. Сегодня каждый понимает сегодняшние правила по - своему. Поэтому, если мы хотим всерьез думать о будущем, то это - главная тема, то, из-за чего я согласился принять большую честь выступать с этой трибуны. Но смысл моего выступления только в одном: если мы хотим думать о будущем, то мы должны найти какие-то новые принципы взаимодействия между Германией и Россией в

экономике, в политике, в культуре, в среде гражданского общества. По одной простой причине: сегодня слишком много людей в России считает, что Европа одряхла, что Европа - больше не партнер, что у вас свои проблемы, что Германия задыхается под напором мигрантов, ну и так далее, и так далее. Есть люди, которые серьезно об этом говорят и считают, что у нас есть только один путь – на Восток. Есть восточный путь России, и это - путь, который надо принимать.

Я, считаю, что России, как и Германии надо принимать тот путь, который отвечает интересам народов. В газете, которую Виктор Алексеевич сегодня хвалил, есть большое интервью Караганова. Я просто считаю, что это большая удача газеты «Петербургский диалог». Диалог Сергея Караганова с Виктором Лошаком как раз об этом: что у нас есть путь на Восток. Если немцы одумаются, то может быть они с нами вместе пойдут на Восток. Но смысл приблизительно такой.

Но, понимаете в чем дело, и об этом господин Альтмайер говорил очень серьезно, я считаю, что это очень важный момент: нас связывает тысячелетняя история. В этой тысячелетней истории есть момент, который выстрадан трагедиями двух наших народов. Этот момент, который начался в 1970-е годы и привел к примирению после войны. Это - колоссальная ценность, которую нельзя потерять. Колоссальная. Вы поймите, что если бы не было до этого девяти веков наших отношений, если бы до этого не было Екатерины Великой, если бы до этого не было главной немки, главной русской Императрицы, если бы до этого не было замечательных русских женщин, которые были женами немецких монархов, тогда бы мы в 20м веке никогда бы так быстро не примирились. Это слишком серьезная ценность, которую нельзя потерять ни в коем случае. И это, с моей точки зрения, и есть смысл того, чем мы будем жить. Кто знает, как сложится 21-е столетие, ведь сегодня мы живем в такой сиюминутной политике на самом деле. Мы сегодня рассуждаем о традиционных энергоносителях: что будет через 10 лет. Какой серьезный экономист сегодня может выстроить прогноз на,

скажем, следующие 10-15 лет? Мы друг друга уговариваем: будет так, будет иначе. На самом деле мы прекрасно знаем, изобретут нечто, подобное «iPhone», в Германии или в России, будем надеяться, и экономика перевернется опять. Мы сегодня говорим об экономике 5.0, понимая прекрасно, что мы не выполнили еще многие проекты по экономике 4.0. И это тоже очень сложный момент, потому что нам надо думать об опережении. Нам надо думать об экономике уже 6.0. А мы будем тянуть еще экономику, которая досталась нам в наследство от прошлого столетия. Это очевидно совершенно.

Я могу сказать только одно, у нас сегодня есть один шанс очень серьезный, с моей точки зрения. При всем моем уважении к традиционному набору продуктов товарооборота, мне кажется, что если мы сумеем реализовать ту дорожную карту в области академического сотрудничества и академических обменов, партнерств, которые сегодня создаются в ведомстве федерального министра по науке и в нашем Министерстве науки и образования, и если мы сделаем эту дорожную карту на следующие 10 лет, понимая, что именно в этом сегменте, мы можем оказаться лидерами, то совершенно ясно, что ни Россия ни Германия в одиночку мировыми лидерами в опережающем развитии науки, видимо, стать не смогут.

Мы будем реалистами. Но, соединив усилия, мы можем предложить миру нечто, чего в других частях света не будет. И это очень важный проект, с моей точки зрения. Я думаю, что это, - то, о чем сегодня стоит подумать. Мне кажется, что, конечно же, мы живем в политическом мире. Мы никуда от этого не денемся, потому что уважаемый господин Альтмайер, помимо всего прочего - депутат Парламента, и его должны, ну извините, выбрать. Хотят или не хотят, ему всё-таки надо говорить то, что хочет избиратель. Избиратель хочет жить хорошо. Я думаю, что и российский избиратель хочет тоже жить хорошо. Поэтому они любят слушать, эти избиратели, то, что им нравится. Но мы прекрасно понимаем, что сегодня, в сегодняшнем мире, нам нужно найти те точки схода, где мы можем договориться. Как говорил Эгон

Бар, и это была его великая мысль: «Есть проблемы, по которым невозможно договориться сегодня, отложим их в сторону, найдем проблемы, где мы можем договориться». И я думаю, что у Германии и у России есть очень широкий сегмент проблем: это и экономика, и культура, это гражданские общества. Там, где мы можем договориться, надо договариваться.